

АНКЕТА “ГОГОЛЕЗНАВЧИХ СТУДИЙ“

1. Какими были Ваши мотивы обращения к творчеству Гоголя?

2. Самое большое Ваше удивление-открытие при изучении творчества Гоголя?

3. Какие направления исследования творчества Гоголя Вам представляются перспективными сегодня?

Аркадий Гольденберг

1. Все началось с «Мертвых душ», которые еще в школе как-то сразу затмили для меня все остальные тексты Гоголя, отодвинув пленявшую прежде инфернальную фантастику «Страшной мести» и «Вия». В нашем математическом классе не один месяц изъяснялись фразами «позвольте вам не позволить», «какие ты забранки пригибаешь», «угол хотите», «шильник, печник гадкий» и быстро расшифровали существительное, прибавленное мужиками к прозвищу Плюшкина «заплатанной». Гоголь был для нас прежде всего мастером неотразимого комического слова. Совершенно по-новому писатель открылся для меня случайно. Я купил у букиниста 7 и 8 тома академического собрания сочинений и впервые внимательно прочел второй том «Мертвых душ» и «Выбранные места». Прежний и новый облик Гоголя перестали совмещаться в моем сознании. Загадок было больше, чем ответов. Ключом к их разрешению мне представлялся третий том «Мертвых душ». Первые свои научные статьи я писал о втором томе с прицелом на реконструкцию тома третьего. Ю.В. Манн, с которым я поделился этим замыслом, третьим томом заниматься отсоветовал: «Там осталось два кирпича, из них ничего не построишь». Второй же том был в те годы на периферии исследовательского внимания.

2. Начав изучать Гоголя в «обратной перспективе», я больше всего был удивлен практически полным отсутствием серьезных работ о поэтике его позднего творчества. О ней писали бегло, для иллюстрации тезиса о деградации таланта писателя. «Выбранным местам» после письма Белинского повезло еще меньше. Глубокие суждения Гоголя о природе своего художественного дара, о телеологии своей человеческой и писательской судьбы вызывали у исследователей недоверие и скепсис. Для меня же персонажи второго тома, несмотря

на его фрагментарность, были не менее значимыми художественными открытиями Гоголя, чем герои тома первого, а библейский пафос «Выбранных мест», как и их исповедальное начало, указывали на древнерусскую учительную традицию. Перечисляя «самородные ключи русской поэзии» – народную песню, поговорку и слово церковных пастырей, писатель, несомненно, проецировал их на свое творчество. Фольклор и средневековая христианская литература стали отправными точками в моих исследованиях художественного мира Гоголя с позиций исторической поэтики. Они позволили обнаружить в нем устойчивую систему фольклорных и литературных архетипов, благодаря которым стало возможным увидеть внутреннюю цельность гоголевского творчества – от «Ганца Кюхельгартена» до «Мертвых душ» и «Выбранных мест». Четверть века назад такой подход к Гоголю многими воспринимался как еретический. Если сопоставление персонажей «Мертвых душ» с фольклорными праобразами вызывало в лучшем случае удивление, то выявление в поэме христианской топки – решительное неприятие. Помню, как весьма почтенная ученая дама (ныне выступающая в качестве одного из адептов православного литературоведения) при обсуждении моей работы в сердцах воскликнула: «Все мое литературоведческое нутро восстает против религиозных трактовок образов Гоголя и сопоставления Чичикова с апостолом Павлом!». Впрочем, и Павел сначала был Савлом.

3. Сегодня, накануне юбилея, Гоголь, как и столетие назад, стал модным писателем. Он востребован политиками и церковью, кино и телевидением, шоу-бизнесом и бульварной литературой. Его имя превратилось в доходный торговый бренд: деловитые китайцы уже наводнили рынок пивными кружками с портретом писателя и надписью: «Без пива души мертвые». Не обошло это поветрие и современную науку о Гоголе. Главная ее беда в том, что исследование текстов писателя нередко подменяется односторонними их интерпретациями, целиком зависящими от очередного витка научной моды. Творчество Гоголя пытаются втиснуть в прокрустово ложе мистических учений, сексуальных лабиринтов, православных догматов, философских и антропологических парадигм и т. п. За всем этим кроется недоверие к гениальному художнику, который играет в таких работах роль скромного иллюстратора априорно заданных авторами умозрительных схем. Несмотря на впечатляющие достижения гоголеведческой науки последних десятилетий, так и не появился труд, равный по масштабу «Поэтике Гоголя» Ю.В. Манна. Во многом потеряны художественные ориентиры, определяющие место писателя в русской и мировой культуре. Наиболее перспективными в этом плане мне представляются

сегодня комплексные компаративные исследования гоголевского творчества. Что мешает, к примеру, объединить усилия украинских и российских гоголеведов для изучения проблемы «Вергилий – Котляревский – Гоголь»? Необходимы новые, системные подходы к проблеме фольклоризма Гоголя. По-прежнему острым и не до конца проясненным остается вопрос о месте и роли традиций духовной культуры в поэтике писателя. Он требует многостороннего надконфессионального анализа. Ждут своего полноценного исследования такие важные аспекты стиля гоголевской прозы, как живописность и театральность. Необходимо продолжить дискуссию об эстетической природе и исторических корнях гоголевского смеха, начатую после публикации работ М.М. Бахтина. И последнее. Читая иные современные работы, ловишь себя на мысли, что их авторы вольно или невольно изобретают велосипед. Нужно написать историю гоголеведческих открытий, которая позволит будущим исследователям найти свой маршрут на пути к Гоголю.